

МАСТЕРСТВО, ОДУХОТВОРЕННОЕ ПРАВДОЙ

ПОЖАЛУИ, самое сильное, устойчивое и радостное впечатление, которое выносит зритель от встречи с искусством Мордвинова-чтеца, вернее всего можно определить так: очарованность мастерством.

Николай Дмитриевич Мордвинов выступил недавно в Центральном доме актера с чтением «Русского характера» А. Толстого, «Макара Чудры» М. Горького, фрагментов из «Тихого Дона» М. Шолохова. Присутствующие поистине наслаждались совершенно особой романтической манерой чтеца. Оставаясь самим собой, не тая приемов, которыми он расчетливо оживлял образы, Мордвинов властно вел своих слушателей к пониманию глубочайших пластов жизни.

В концерте раскрылась особая мера правдивости искусства Мордвинова. Она не только в психологической точности интонаций. Актер доверчиво обращался к зрителям, не был бесстрастным повествователем, ждал ответного сочувствия зала. Чтецкая манера Мордвинова, лишенная эпического покоя, поднимала слушателя на переживания и раздумья. Но она была и выражением мудрости, она была удивительно содержательна. Мордвинов то вскрывал лирическую струю повествования, выступая от своего имени, открыто переживая, мысля вслух. То на смену лирическим отступлениям приходила яркая и скупая жанровая зарисовка. Актер лепил характеры весомым, звучным словом, размашистым жестом, выразительной мимикой.

Но главное для Мордвинова — постижение внутреннего смысла произведения. Сложное по ритму, богатое конфликтами настроений, напряженное — таким было его повествование. Мордвинов равно выпукло передавал неумную восторженность водителя танка и глухую боль изуродованного его командира, одинаково проникновенно читал за сердце берущее, полное горя и надежды письмо матери героя и звонкую, светящуюся гордостью концовку «Русского характера».

Звуковая и пластическая палитра отбиралась актером тщательно, смело, неожиданно, поэтично. В «Макаре Чудре» Мордвинов поражал музыкальностью речи, щедрой красочностью игры — перед зрителями оживали персонажи Горького. «Тихий Дон» звучал скупой, внешне статично, но покоряла насыщенность переживаний, столь жестоких и захватывающих, что, казалось, они рвутся наружу...

Об искусстве Мордвинова-чтеца можно говорить бесконечно. Но нельзя не отметить одного. Мастерство Мордвинова очень непросто, своеобразно, поражает своим размахом. Но рассчитано на теснейший контакт со слушателем.

Ведь это для него актер проникает оружием своего таланта и мастерства в глубины жизни. Это для нас, сидевших в тот вечер в зале, Мордвинов воспевает своим искусством чтеца столь дорогую для него силу, «великую силу — человеческую красоту», говоря словами А. Толстого.

А. ЯКУБОВСКИЙ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Москва

06 АПР 1965